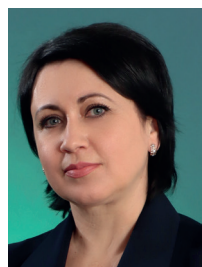

Такова А.Н.¹, Лаврова Н.С.²¹ Кабардино-Балкарский научный центр РАН² Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова¹ 360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина 18² 360000, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского 173¹ sanatakova@yandex.ru; ² lawrowa.natali2012@yandex.ru

Религиозная политика немецко-фашистской администрации в отношении ислама на оккупированных территориях на примере Кабардино-Балкарской АССР (август 1942 – январь 1943 гг.)

А.Н. Такова

Н.С. Лаврова

Аннотация. В работе на основе анализа архивных материалов, опубликованных источников и исследований историков предпринята попытка рассмотреть роль и место религии в деятельности немецко-фашистских оккупационных властей в период Великой Отечественной войны в одной из автономных республик Северного Кавказа – Кабардино-Балкарии. При этом в религии видится своего рода политический инструмент, направленный на достижение определённых, продиктованных историческим моментом целей. Активное апеллирование к религии немецких оккупационных властей в рассматриваемом субрегионе должно было способствовать достижению лояльности местного населения, восприятия им новой власти как власти, соответствующей их собственным интересам. Для достижения этой цели был задействован весь имевшийся на вооружении у фашистов пропагандистский потенциал – от плакатов соответствующей тематики и воззваний представителей местного населения, перешедших на сторону врагов, до постановки ярких зрелищных мероприятий, приуроченных к ключевым праздникам, совпавшим по времени с периодом оккупации республики. В статье делается вывод о том, что, несмотря на все усилия немецких оккупационных властей по достижению посредством обращения к религии, исповедуемой большинством местного населения субрегиона, лояльности жителей, эффект не был впечатляющим. Это связано как с очевидными просчётами и ошибками немецких аналитиков, преуменьшавших степень советизации кавказских автономий и игнорировавших факт наличия в них выраженной дифференциации населения по признаку религиозности, так и с тем, что, несмотря на пропагандируемую лояльность, немецкая администрация практиковала в Кабардино-Балкарии, возможно в чуть меньшей по сравнению с прочими регионами страны масштабах, стандартные фашистские приёмы и методы управления покорёнными территориями. Они убедительно демонстрировали истинную деструктивную сущность новой власти и лживость исходящей от неё пропаганды.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, Великая Отечественная война, религиозная политика, оккупационный режим, социум, пропаганда, конфессиональная политика

Aleksandra N. Takova¹, Natalya S. Lavrova²¹ Kabardino-Balkarian Research Center RAS; ² Kabardino-Balkarian State University n.a. H.M. Berbekov;¹ 18 Pushkin str., Nalchik, 360000, Russia; ² 173 Chernyshevsky str., Nalchik, 360004, Russia;¹ sanatakova@yandex.ru; ² lawrowa.natali2012@yandex.ru

Religious Policy of the German Fascist Administration in Relation to Islam in the Occupied Territories on the Example of the Kabardino-Balkarian ASSR (August 1942 – January 1943)

Abstract. Based on the analysis of archival materials, published sources and research by historians, an attempt is made to consider the role and place of religion in the activities of the Nazi occupation authorities during the Great Patriotic War in one of the autonomous republics of the North Caucasus Kabardino-Balkaria. At the same time, religion is seen as a kind of political tool aimed at achieving certain goals dictated by the historical moment. The active use of religion by the German occupation authorities in the region under consideration was intended to help achieve loyalty from the local population and their perception of the new

government as being in line with their own interests. To succeed in it, the entire propaganda potential available to the fascists was utilized, from posters about relevant subjects and appeals from representatives of the local population who had defected to the enemy's side, to staging colorful spectacular events timed to coincide with key holidays that were celebrated during the occupation period of the republic. The article concludes that, despite all the efforts of the German occupying authorities to gain the loyalty of the residents by appealing to the religion practiced by the majority of the locals in the subregion, the effects were not impressive. This was due to both the obvious miscalculations and mistakes made by German analysts, who downplayed the extent of Sovietization in the Caucasian autonomous regions and ignored the fact that there was pronounced differentiation among the population based on their religiosity, and also to the fact that, despite promoting loyalty, the German administration employed standard fascist techniques in Kabardino-Balkaria and perhaps other regions of a somewhat smaller scale than other regions in the country. They convincingly demonstrated the destructive nature of the new regime and the falseness of the propaganda coming from it.

Key words: Kabardino-Balkaria, the Great Patriotic War, religious policy, occupation regime, society, propaganda, confessional policy

Введение

Использование религии в качестве инструмента для достижения политических целей – явление, часто встречающееся в мировой истории. В настоящем исследовании предпринята попытка рассмотреть его практическую реализацию на примере деятельности немецко-фашистской администрации в одной из автономных республик Северного Кавказа – Кабардино-Балкарии, субъектообразующие этносы которой – кабардинцы и балкарцы, – являлись этническими мусульманами. Хронологические рамки работы ограничены в основном августом 1942 г. – январём 1943 г. – то есть периодом нахождения республики в оккупации, с небольшими временными отступлениями, необходимость которых обусловлена её логикой. Основными методами исследования являются анализ архивных материалов, дедукция, индукция, микроанализ, социальная психология.

Наиболее богатый пласт источников по изучаемой теме дают архивные документы, извлечённые авторами из различных хранилищ, большая часть из которых впервые вводится в научный оборот. Также используются ссылки на уже опубликованные документы и исследования ряда авторов, в которых так или иначе затрагиваются различные аспекты изучаемой темы. Среди них важны работы Д. Мотаделя, А.А. Татарова, Н.М. Емельяновой, Д.Н. Прасолова, Е.И. Журавлева и др. [Мотадель, 2020; Татаров, 2013; Емельянова, 1999; Прасолов, 2013; Журавлев, 2009].

Конфессиональное пространство Кабардино-Балкарии в предшествующий Великой Отечественной войне период

Для понимания того, что привнесли в религиозную сферу Кабардино-Балкарии оккупационные власти и как они посредством апеллирования к религии пытались реализовать свои политические цели, необходим краткий экскурс, касающийся процессов, происходивших в ней в предшествующий Великой Отечественной войне период.

В кабардино-балкарском обществе, как обществе традиционном, религия занимала важное место, так или иначе присутствуя в большинстве его сфер. В период революции и Гражданской войны её роль даже несколько возросла, так как действовавшие в субрегионе политические акторы, придерживавшиеся разных политических взглядов, добивались путём апеллирования к религии решения текущих утилитарных задач, продиктованных историческим моментом. Здесь даже сложился своего рода стратегический альянс между большевиками и некоторыми мусульманскими лидерами, поддержанный частью населения, внёсший, в итоге, решающий вклад в победу в Кабардино-Балкарии советской власти.

В первые годы после Гражданской войны, когда актуальной являлась задача упрочения позиций молодой советской власти, в отношении ряда особенностей, плохо согласующихся с ключевыми принципами строящегося советского общества, к коим, безусловно, относился и высокий уровень религиозности местного населения, власть руководствовалась принципом «учитывания». Поэтому в первой половине 20-х гг. XX в., несмотря на то, что курс на атеизацию в масштабах всей страны был уже вполне определённым, позиции религии в субрегионе продолжали оставаться прочными, так как лобового натиска власти на неё не происходило. Однако

при реализации масштабных преобразований в различных сферах происходило и опосредованное воздействие на религию ввиду того, что она была вплетена в абсолютное их большинство. Так, например, внедрение новой народной системы образования способствовало полной ликвидации религиозных школ. Схожим образом создание системы народных судов привело к упразднению шариатских и пр.

Водоразделом, знаменовавшим начало этапа силовой атеизации кабардино-балкарского общества, стали массовые крестьянские выступления второй половины 20-х – начала 30-х гг. XX в., произошедшие вследствие проведения в субрегионе непопулярных хозяйственных преобразований. В идеологии восставших крестьян КБАО религиозная составляющая занимала важное место, выступая в качестве одного из главных мобилизующих их участников элемента. Кроме того, организаторами и активными участниками данных выступлений нередко являлись служители религиозного культа и актив верующих. Ввиду этого в исторической науке указанные события на протяжении всего советского периода трактовались как «...антисоветские выступления, организованные и спровоцированные кулаками и реакционным духовенством» [История, 1967, 160].

Вследствие данных событий религия в Кабардино-Балкарии на официальном уровне стала рассматриваться как часть идеологии классовых врагов советской власти. Поэтому приёмы и методы государственной политики в её отношении ожидаемо ужесточились. Начались преследования служителей культа, правда, официально не по религиозным, а по политическим мотивам, открытые и латентные притеснения в отношении верующих и пр. Тем самым, по мнению ряда исследователей, «...реализовывался сепарационный вид модели конфессиональной политики, выразившийся в последовательном отстранении вероисповедных групп от участия в государственных делах» [Письменная, Рябков, Манузин, 2015, 60]. В широком смысле, как писал по этому поводу Д.Н. Прасолов, «...целью такой политики было «зачищение» этнокультурного пространства от традиционных компонентов для более целостного насаждения новых ценностей советского социокультурного комплекса» [Прасолов, 2013, 357].

Реализация атеистической политики в субрегионе в эти годы, однако, была сопряжена и с рядом важных нюансов, существенно влияющих на её результат. Так, широко распространён был формализм в практической деятельности её конкретных исполнителей. Вследствие этого «нужный» властям результат в данной сфере достигался далеко не всегда. Последний тезис как нельзя лучше иллюстрирует ситуация с культовыми зданиями. На указанном вопросе необходимо остановиться чуть подробнее ввиду того, что он напрямую связан с фактами, которые будут изложены ниже.

Как известно, одним из методов антирелигиозной работы в предвоенный период являлось массовое закрытие культовых зданий и их перепрофилирование под светские нужды (музеи, клубы, библиотеки, реже – помещения хозяйственного назначения). Данные по закрытию культовых зданий рассматривались как один из важнейших показателей успешности реализации на местах атеистической работы. Согласно сведениям архивов Кабардино-Балкарии, к началу Великой Отечественной войны в субрегионе уже не оставалось ни одной действующей мечети [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 110. Л. 148]. Правда, ряд исследователей, ссылаясь на документы центральных архивов, приводит иные данные. К примеру, Н.М. Емельянова указывает, что в 1938 г. в республике «...функционировали и были юридически оформлены 36 мечетей» [Емельянова, 1999, 72–73]. Схожие цифры в своей работе даёт и И.Л. Бабич [Бабич, 2001, 131].

Объяснение такой большой разницы в оценке столь, в общем-то, «простого» фактологического вопроса, по нашему мнению, кроется в том, что, вопреки проводившейся на официальном уровне политике, направленной на поступательное сокращение числа культовых зданий, которая на бумаге реализовывалась успешно, немалая их часть де-факто перепрофилирована так и не была. Косвенно данный вывод подтверждает один интересный документ. Так, на заседании Президиума Верховного Совета КБАССР 20 мая 1939 г., был отмечен и подвергнут яростной критике факт повсеместного игнорирования на местах предписаний о перепрофилировании

культовых зданий [УЦГА АС КБР Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 177. Л. 8 об]. В приведённом документе не содержалось каких-либо количественных данных. Однако его обсуждение на самом высоком уровне свидетельствует, как минимум, об общественно значимых масштабах рассматриваемого явления. Определённо утверждать, что происходило в этих официально закрытых, но по каким-то причинам не перепрофилированных культовых зданиях, не представляется возможным. Исследователь Н.М. Емельянова, к примеру, утверждает, что к концу 30-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии «...60 мечетей действовали без разрешения властей, на свой страх и риск» [Емельянова, 1999, 72–73]. По нашему мнению, есть основания допустить возможность того, что в предвоенный период в части официально закрытых культовых зданий продолжала вестись деятельность, соответствующая их прямому назначению.

Ситуация с культовыми зданиями – это лишь один из ярких примеров, иллюстрирующих сложность в оценке процессов, происходивших в религиозной сфере республики в предвоенный период. При их анализе необходимо иметь в виду частое несоответствие официальных данных, заточенных на подачу информации в «нужном» ключе. Безусловно, к началу 40-х гг. XX в. роль и место религии в социуме Кабардино-Балкарии, по сравнению с началом советского периода, изменились. Её функционирование, ввиду ликвидации всех официальных каналов трансляции религиозной культуры стало, конечно, менее упорядоченным. Однако религиозная жизнь в субрегионе в целом сохранялась и продолжала занимать важное место в его повседневности.

Религиозный аспект в планах немецко-фашистских завоевателей

Использование религии в качестве инструмента политики не являлось новшеством периода Великой Отечественной войны и встречается в мировой истории часто. У лидеров Третьего рейха в этом отношении имелся довольно основательный задел, так как попытки использовать религию активно предпринимались руководством кайзеровской Германии ещё в период Первой мировой войны.

Реалии войны с СССР, сложившиеся в результате срыва блицкрига, осознание того, что война принимает затяжной характер, а для обеспечения её ведения необходимы стратегические сырьевые ресурсы и, в первую очередь, нефть, предопределили выделение Северного Кавказа в качестве одного из основных направлений в кампании 1942 г., воплощённой в стратегической операции «Эдельвейс». Основные задачи данной операции были изложены в Директиве № 45, подписанной Гитлером 23 июля 1942 г. [Исторические документы, 2023]. Согласно ей, предполагался прорыв на южном участке фронта, уничтожение советских войск западнее Дона, захват нефтеносных районов Кавказа, последующее продвижение в Закавказье и, как генеральная цель, – овладение бакинскими нефтяными месторождениями. Для осуществления данной операции группа армий «Юг» была разделена на группы «А» и «Б». На группу «А» было возложено проведение операции «Эдельвейс», на группу «Б» – захват Сталинграда. На реализацию операции «Эдельвейс» немцами были брошены огромные силы, включавшие в себя 168 тыс. солдат и офицеров Вермахта и более 1.5 тыс. танков. Кроме того, вместе с военными на Кавказ было направлено около 14 тыс. специалистов-нефтяников [Мужехоева, 2020, 293].

Выделение Северного Кавказа в качестве одного из главных направлений удара немецких сил естественным образом способствовало актуализации вопроса выработки «правильной» тактики отношений с населением региона. Растянность и нестабильность линии фронта, гористый рельеф местности, объективно осложнявшие контроль над территорией, делали вопрос достижения максимально стабильной обстановки в зоне оккупации архиважным. Желаемым результатом при этом являлось обеспечение благосклонности местного населения. Поэтому на Кавказе немцы усиленно педалировали идею своей высокой «освободительной» миссии, внедряя в общественное сознание, посредством всего имеющегося у них на вооружении пропагандистского потенциала, идею о том, что новая власть «...соответствует интересам самих кавказских народов» [Нюрнбергский процесс, 1966, 209].

Пропагандистская деятельность немецко-фашистских оккупационных властей на Северном Кавказе в целом была проникнута данной идеей. В процессе её реализации апеллированию к религии уделялось важное место, что являлось продуманным ходом, подкреплённым, со свойственной немцам педантичностью, аналитическими

работами. В монографии Д. Мотаделя «Ислам в политике нацистской Германии 1939–1945 гг.» [Мотадель, 2020], в частности, упоминается ряд подобных трудов. Так, в конце 1941 г. политическим отделом НСДАП был выпущен меморандум, в котором, в частности, анализировались перспективы использования религиозного фактора в войне против СССР. В нём «...подчёркивалось значение ислама для войны и утверждалось, что <...> статус “защитника ислама” обещает Третьему рейху большие политические успехи» [Мотадель, 2020, 102]. Схожие суждения содержались и в меморандуме «СССР и ислам», подготовленном в мае 1942 г. военной разведкой Вермахта [Мотадель, 2020, 103]. В этой работе содержался подробный анализ советской политики в отношении ислама после Октябрьской революции, делался вывод о том, что «...в Советской России коммунистическая пропаганда не смогла ослабить ислам... Соответственно, мусульманские религиозные чувства и тесно связанный с ними племенной национализм необходимо “эксплуатировать”» [Мотадель, 2020, 103]. Увы, обе указанные работы, представляющие несомненный интерес для исследователей, на русский язык не переведены.

Религиозная политика немецко-фашистской администрации в Кабардино-Балкарии в период оккупации

Наступление немецких частей на Кавказ развернулось летом 1942 г. Бои на территории Кабардино-Балкарии начались с середины августа 1942 г. По мере отступления частей Красной армии республика оказалась в оккупации, продлившейся до первой декады января 1943 г. По данным А.А. Татарова, «...районы Кабардино-Балкарии находились под оккупацией разное время (Зольский, Баксанский, Терский, Майский, Курпский, Прохладненский, Кубинский, Прималкинский – 5 месяцев; г. Нальчик, Лескенский, Чегемский, Хуламо-Безенгиевский, Черекский и Эльбрусский – более 2 месяцев)» [Татаров, 2013, 102].

Уже в период наступления на Кавказ среди немецких солдат был распространён ряд инструкций и директив, исходящих от военного командования, задействованного в операции «Эдельвейс», разъясняющих специфику региона и регламентирующих характер взаимоотношений с местным населением. Религиозной составляющей в них уделялось особое внимание. Хорошо иллюстрирует последний тезис директива командующего группой армий «А» В. Листа. В ней говорилось о необходимости «...рассматривать мирное население как союзников, с терпимостью относиться к местным верованиям и обычаям, а также уважать честь женщин Кавказа» [Мотадель, 2020, 194]. «В области религии: полнейшая терпимость, не отдавать предпочтения ни одной из религий <...> необходимо учитывать особое значение ритуалов и обычаев ислама. Церковные здания вернуть в распоряжение населения», – говорилось в документе [ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99. Л. 240]. В выпущенном позже приказе П.-Л.-Э. фон Клейста, сменившего В. Листа, прямо предписывалось «...разрешить открывать церкви всех вероисповеданий. Устраивать богослужения, уважать права и обычаи» [Ставрополье, 2000, 34].

В практическом разрезе, действительно, важным направлением деятельности оккупационных властей в республике стало массовое открытие культовых зданий. В архивных документах упоминается о нескольких мечетях в крупных населённых пунктах (селениях Верхний Куркужин, Нижний Куркужин, Баксаненок, Кызбурун II, Алтуд, Заюково, Шалушка, а также двух в с. Каменномостское) [УЦГА АС КБР Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 54. Л. 73–74]. Есть основания утверждать, что открытых немецкими оккупационными властями культовых зданий было значительно больше. Так, по сведениям уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК СССР, полученным уже после освобождения Северного Кавказа, отмечалось, что немцы в 1942 г. «...открыли по 2–3 мечети в каждом населённом пункте республики» [Дегтярев, 1995, 131]. Возможно предположить, что речь шла не новых зданий, построить которые за столь непродолжительное время априори не удалось бы, а о тех самых упомянутых выше официально закрытых, но зачастую так и не перепрофилированных культовых зданиях, которые де-факто функционировали в республике и до войны, хотя де-юре считались ликвидированными.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что если до войны данные культовые здания действовали скрыто, то теперь их функционирование стало свободным. Кро-

ме того, оккупационные власти не просто поощряли, а даже всячески старались повысить религиозную активность масс. К примеру, в декабре 1942 г. вышел приказ, касающийся Нальчикского района, объявлявший пятницу выходным днём для мусульман, а воскресенье – для христиан. Интересно отметить, что в данном документе говорилось, что в эти дни «...мусульмане обязаны посещать свои мечети, православные свои молитвенные дома и церкви» [УЦГА АС КБР Ф. Р-290. Оп. 1. О. 12. Л. 11]. Восстанавливались должности мулл. Они наделялись широкими правами и солидным денежным довольствием, приравненным, по мнению Е.И. Журавлева, «...к главам администраций городов и сельских населённых пунктов» [Журавлев, 2009, 139].

После длительного периода латентных, а иногда и открытых притеснений, которым подвергалась религия и её носители в субрегионе в предвоенные годы, население в целом «... с интересом, а значительная его часть и с одобрением, относилось к таким актам» [Журавлев, 2009, 137]. Для оккупационных же властей положительная оценка их действий в религиозной сфере со стороны местного населения была крайне важной, так как согласовывалась с политикой привлечения жителей региона на свою сторону.

В целом на оккупированных территориях немецкая идеологическая машина в полном объёме развернула свой пропагандистский потенциал. Важно отметить, что оккупационные власти предпринимали усилия для максимально широкого распространения своих пропагандистских материалов. Они рассылались всем бургомистрам, старостам, управляющим, которых обязывали зачитывать жителям немецкие газеты и листовки, доводить до их сведения приказы и распоряжения немецкого командования [Безугольный, Бугай, Кринко, 2012, 227].

Пропаганда исходила не только от самих немцев, но и от поддержавших их представителей местного населения, инкорпорированных в созданные новые управленческие структуры. Хорошим примером в этом отношении является «Воззвание к мусульманским народам», распространённое в ноябре 1942 г. от лица кадия Кабардино-Балкарии Хаджи Хозе Хотекова [Лики, 1996, 105]. В нём говорилось: «Правовверные мусульмане! Жидо-большевики свыше 20 лет душили религию наших дедов, оскверняли веру во Всемогущего Аллаха, завещанную нам его пророком Магомедом. Запрещали чтение и слушание Корана, закрывали мечети, расстреливали и сысляли наших мулл» [Лики, 1996, 105]. В тексте также подчёркивалась большая заслуга Адольфа Гитлера, «...спасшего вольнолюбивый народ Кабардино-Балкарии от цепей рабства и безбожия...». Предлагалось вознести «...молитвы к всемогущему Аллаху за полное очищение вселенной от нечисти безбожия и безверия, за окончательный разгром большевизма, за нашего фюрера Адольфа Гитлера» [Лики, 1996, 105].

Возможно, религиозная составляющая в общей канве пропагандистской деятельности немецко-фашистских властей периода оккупации не была бы столь рельефной, если бы не тот факт, что она по времени совпала с двумя главными мусульманскими праздниками – Ураза-Байрамом (9–11 октября 1942 г.) и Курман-Байрамом (18 декабря 1942 г.). В довоенный период именно к ним приурочивались ключевые атеистические мероприятия, проводимые властями. Однако эти праздники продолжали для большинства жителей субрегиона оставаться важной частью их духовной жизни, значимым элементом идентичности. Поэтому неудивительно, что оккупационный режим, как справедливо отметил исследователь А.А. Татаров, «...определил исламским праздникам особую роль в демонстрации своих “благих намерений” и пропаганде среди горцев» [Татаров, 2015].

О важности, придаваемой оккупационными властями данным праздникам, свидетельствует факт того, что их ход был запечатлён на киноплёнку. В монографии Д. Мотаделя праздники в г. Нальчике описаны очень подробно [Мотадель, 2020, 199–200]. Документы, извлечённые из архивохранилищ республики, также подтверждают, что торжествам по их случаю оккупационными властями был предан небывалый размах. Они сопровождались красочными шествиями в центре города, торжественным обменом дорогими подарками, митингами, центральной идеей которых было «...освобождение Кабардино-Балкарии от большевиков» [УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 1381. Л. 169]. Активное участие в них принимали представители немецко-

го военного командования. Так, например, на торжества по случаю Курман-Байрама в декабре 1942 г. в столицу республики – г. Нальчик – специально прибыл уполномоченный министерства оккупированных восточных территорий О. Бройтигам. Он, в частности, выступил с речью, «...заверяющей в дружбе и сотрудничестве» [УЦГА АС КБР Ф. Р-290. Оп. 1. О. 12. Л. 22]. Таким образом, торжества, приуроченные к главным мусульманским праздникам в 1942 г. усилиями оккупационных властей, стали своего рода площадками для антисоветской пропаганды, обретя форму политических мероприятий.

После снятия оккупации советскими органами был произведён детальный анализ факта данных празднеств. Нередко они интерпретировались в качестве «...вершины подхалимствующего раболепства перед оккупантами» и «массового антисоветского сборища» [Чекисты Кабардино-Балкарии, 1987, 102]. В случае же с балкарцами, депортированными в марте 1944 г., празднование Курман-байрама и вовсе выступило как одно из доказательств их вины [Некрич, 1978, 60].

Религия как фактор войны в практической деятельности немецких оккупационных властей: теоретический и практический ракурсы

В конце декабря 1942 г., во избежание создания южного суперкотла, перспективы которого, по мере развития ситуации под Сталинградом, вырисовывались всё более отчётливо, руководством Рейха было принято решение об отводе армий с Кавказа. 4 января 1943 г. от немецких частей была освобождена столица Кабардино-Балкарии – г. Нальчик. А в 4 утра 11 января 1943 г. части Красной Армии завершили освобождение территории Кабардино-Балкарской АССР [Гугова, 2021, 259].

Несмотря на то, что период оккупации республики нельзя назвать длительным – от 2 до 5 месяцев, в течение него немецкая военная администрация предприняла, пожалуй, наиболее последовательную попытку использовать религию в политических целях. Однако она всё-таки не стала универсальным ключом, обеспечивающим благосклонность и симпатию местного населения по отношению к немецким оккупационным властям, на что последние изначально рассчитывали. Несмотря на все усилия Германии по предоставлению уступок в религиозной сфере, наступательной пропаганде и постановке ярких зрелищ, реальные успехи не были слишком впечатляющими.

Последнее во многом объясняется тем, что основы, на которых строилась религиозная политика немецко-фашистской администрации на оккупированных территориях, далеко не всегда грамотно соотносились с действительностью, часто грешили упрощениями анализируемого предмета, в результате чего терялась объективность его оценки. К примеру, недооценивался уровень советизации кавказских автономий, а ислам ошибочно воспринимался как некая антибольшевистская по своей природе идеология. Из этого делался неверный вывод о наличии непреодолимого антагонизма между советской властью и исповедующими ислам народами региона. Это не соответствовало действительности ввиду того, что всё же «...подавляющее большинство населения Кавказа было склонно рассматривать советский строй как справедливое государственное устройство» [Напсо, 2006, 24]. Таким образом, «...создаваемый немецкой пропагандой образ врага не соответствовал опыту взаимодействия большинства населения Северного Кавказа с советской властью» [Хорольская, 2018, 53]. Ошибочным было также игнорирование фактора неоднородности уровня религиозности населяющих регион народов. Усилия советской власти по снижению уровня религиозности кавказских социумов, активно предпринимавшиеся в предвоенные годы, несмотря на отмеченные в начале работы нюансы, не прошли даром. Их следствием стало появление заметной дифференциации по данному признаку. Так, А. Беннингсен в монографии «Мусульмане в СССР» выделяет 6 групп, сложившихся к рассматриваемому периоду по степени религиозности: 1) верующие по убеждению; 2) традиционные верующие; 3) колеблющиеся; 4) неверующие, но соблюдающие некоторые обряды; 5) соблюдающие обряды под давлением своего окружения; 6) атеисты [Беннингсен, 1999, 40–41]. Несмотря на то, что тяготы войны, безусловно, способствовали иррациональному всплеску религиозности в советском обществе в целом, результаты целенаправленной деятельности властей по массовому насаждению атеистического мировоззрения, активно проводившиеся в предвоенные годы,

нельзя недооценивать. Их прямым следствием стало появление в социумах Северного Кавказа внушительной прослойки индифферентных по отношению к религии людей. Поэтому немецкая пропаганда, основанная на апеллировании к религии, была ожидаемо малорезультативной.

Сразу после освобождения республики стали проводиться мероприятия по ликвидации нововведений, привнесённых немецко-фашистской администрацией. В отношении новшеств в религиозной сфере ситуация была шекотливой. Дело в том, что в масштабах всей страны начался процесс так называемой религиозной «оттепели», в результате которой произошла легализация религии в советском обществе, активно шёл процесс её встраивания в правовое поле страны. Ввиду этого открытые фашистами в Кабардино-Балкарии культовые здания, несмотря на то что в документах отмечалось, что все они «...действуют по существу незаконно» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 14. Л. 144], продолжали функционировать. А после принятия исторического Постановления СНК СССР «О порядке открытия церквей» (1943 г.) [Постановление, 2023], часть из них, соответствовавшая новым формальным требованиям, была зарегистрирована в официальном порядке.

Заключение

Таким образом, политика фашистской администрации в отношении ислама на территории Кабардино-Балкарской АССР в период её оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.) являлась ярким примером использования религии в качестве политического инструмента в условиях военного конфликта. Она представляла собой комплекс взаимосвязанных мер, направленных на всемерное поощрение религиозной активности масс и преподносимое методами наступательной пропаганды как проявление «добрых» намерений оккупационных властей. Последние, при этом, позиционировали себя в качестве «избавителей» народов субрегиона от опостылевшего им большевистского «ига». Целью данного рода действий являлось достижение лояльности и благосклонности местного населения. Однако практический эффект данного направления политики оккупационных властей был не столь впечатляющим. Немцы явно не учли, что, несмотря на все сложности во взаимоотношениях горских народов с советской властью, имевшие место в предвоенный период, эту власть народ всё же морально принимал и своё будущее связывал исключительно с ней. Кроме того, в период оккупации республика, несмотря на широко декларируемую немцами лояльность к местному населению, не избежала всего объёма проявлений фашизма – массовых расстрелов, экспроприаций, гнёта и террора, убедительно демонстрировавших его деструктивность и человеконенавистническую сущность.

Список сокращений

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
 КБАО – Кабардино-Балкарская автономная область – административно-территориальная единица в РСФСР, существовавшая в 1922–1936 гг.
 КБАССР – Кабардино-Балкарская автономная Советская Социалистическая Республика – административно-территориальная единица в РСФСР, существовавшая в 1936–1992 гг. В период с 8 апреля 1944 г. по 11 февраля 1957 г. – Кабардинская АССР (период депортации балкарского народа)
 УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики
 УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики

Библиографический список

1. Бабич, И.Л. Ислам в современной Кабардино-Балкарии правовые аспекты / И.Л. Бабич // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 131–143.
2. Безугольный, А.Ю. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения / А.Ю. Безугольный, Н.Ф. Бугай, Е.Ф. Кринко. – М.: Центрполиграф, 2012. – 479 с.
3. Беннигсен, А. Мусульмане в СССР / А. Беннигсен. – Казань: Иман, 1999. – 85 с.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 14. Л. 144.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99. Л. 240.
6. Гугова, М.Х. Освобождение территории Кабардино-Балкарии от немецко-фашистских войск в 1943 году / М.Х. Гугова // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 6. – С. 255–259.
7. Дегтярев, Ю.М. Открывал ли Сталин церкви? / Ю.М. Дегтярев // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: материалы «Круглого стола», посвящённого 50-летию Победы. – М., 1995. – С. 130–142.
8. Емельянова, Н.М. Мусульмане Кабарды / Н.М. Емельянова. – М.: Граница, 1999. – 142 с.
9. Журавлев, Е.И. Коллаборационизм, немецкий «новый порядок» и религиозный вопрос на юге России в годы оккупации (1942–1943 гг.) / Е.И. Журавлев // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. – Вып. 1. – 2009. – С. 135–141.
10. Исторические документы. Документы немецко-фашистских войск. Сталинградская битва [Электронный ресурс]. – URL: <http://battle.volgadmin.ru/Documents/Deutsch/02.aspx> (дата обращения 15.04.2023).
11. История Кабардино-Балкарской АССР под ред. Г.Х. Берикетова. – Т. 2. – М.: Наука, 1967. – 439 с.
12. Лики войны: Сборник документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 498 с.
13. Мотадель, Д. Ислам в политике нацистской Германии 1939–1945 гг. / Д. Мотадель: Пер. с нем. – М.: Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, 2020. – 416 с.
14. Мужехоева, М.Б. План «Эдельвейс» / М.Б. Мужехоева // Образование и право. – 2020. – № 11. – С. 293–295.
15. Напсо, Н.Т. Северокавказские воинские формирования в германских вооружённых силах (1941–1945 гг.) / Н.Т. Напсо // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 20–24.
16. Некрич, А.М. Наказанные народы / А.М. Некрич. – Нью-Йорк: Хроника, 1978. – 173 с.
17. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов под общ. ред. Р.А. Руденко. – Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1966. – 800 с.
18. Письменная, Т.Г. Особенности модели конфессиональной политики на Северном Кавказе в отношении исламских объединений в 1917–1930-х гг. / Т.Г. Письменная, А.Н. Рябков, Е.В. Манузин, А.В. Штымбалок // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 8. – С. 56–62.
19. Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей». Москва, Кремль, 28 ноября 1943 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов – URL: <http://docs.historyrussia.org...snk-sssr-o...otkrytiya...1943...> (дата обращения 15.04.2023).
20. Чекисты Кабардино-Балкарии / Сборник под ред. А.Ж. Губашиева. – Нальчик: Эльбрус, 1987. – 226 с.
21. Прасолов, Д.Н. Восстания в Кабардино-Балкарии конца 1920-х гг.: социальное содержание и этнокультурные последствия / Д.Н. Прасолов // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: Материалы международной научной конференции. – М., 2013. – С. 354–363.
22. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.): Документы и материалы. – Ставрополь: Книжное издательство, 2000. – 173 с.
23. Татаров, А.А. Мусульманские праздники в политике Третьего рейха среди горцев Северного Кавказа в 1942–1944 гг. / А.А. Татаров // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 110 (06).
24. Татаров, А.А. Особенности немецко-румынского оккупационного режима в Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны / А.А. Татаров // Труды молодых учёных Владикавказского научного центра Российской академии наук. – 2013. – № 3. – С. 97–106.
25. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦГА АС КБР). Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 12. Л. 11.
26. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦГА АС КБР). Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.
27. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦГА АС КБР). Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 177. Л. 8 об.
28. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦГА АС КБР) Ф. Р-780, Оп. 1, Д. 54, Л. 73–74.
29. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦГА АС КБР) Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 110. Л. 148.
30. Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы КБР (УЦДНИ АС КБР) Ф. 1. Оп. 1. Д. 1381. Л. 169.
31. Хорольская, М.В. Нацистская пропагандистская работа среди населения Северного Кав-

каза в годы Великой Отечественной войны / М.В. Хорольская // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2018. – № 2. – С. 45–55.

Текст поступил в редакцию 18.05.2023.

Принят к печати 17.06.2023.

Опубликован 28.03.2024.

References

1. Babich I.L. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. Moscow, 2001, no. 2, pp. 131–143 (in Russian).
2. Bennigsen A. *Musul'mane v SSSR* [Muslims in the USSR]. Kazan': Iman, 1999, 85 p. (in Russian).
3. Bezugol'nyj A.Yu. Bugaj N.F., Krinko, E.F. *Gorcy Severnogo Kavkaza v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.: problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya* [Highlanders of the North Caucasus in the Great Patriotic War of 1941–1945: problems of History, historiography and source studies]. Moscow: Centropoligraf, 2012, 479 p. (in Russian).
4. *Chekisty Kabardino-Balkarii. Sbornik pod red. A.ZH. Gubashieva* [Security officers of Kabardino-Balkaria. Collection edited by A.Z. Gubashiev]. Nal'chik: El'brus, 1987, 226 p. (in Russian).
5. Degtyarev Yu.M. *Otkryval li Stalin cerkvi?* [Religious organizations of the Soviet Union during the Great Patriotic War. 1941–1945]. Moscow, 1995, pp. 130–142 (in Russian).
6. Emel'yanova N.M. *Musul'mane Kabardy* [Kabarda Muslims]. Moscow: Granica, 1999, 142 p. (in Russian).
7. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation]. Fund 6991. Inventory 2. File 664. Fol. 144 (in Russian).
8. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation]. Fund 7445. Inventory 2. File 99. Fol. 240 (in Russian).
9. Gugova M.H. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. Moscow, 2021, no. 6, pp. 255–259 (in Russian).
10. *Istoricheskie dokumenty. Dokumenty nemecko-fashistskih vojsk. Stalingradskaya bitva* [Historical documents. Documents of the German Fascist troops. The Battle of Stalingrad]. Available at: <http://battle.volgadmin.ru/Documents/Deutsch/02.aspx> (accessed on April 15, 2023) (in Russian).
11. *Istoriya Kabardino-Balkarskoj ASSR pod red. G.H. Beriketova* [History of the Kabardino-Balkarian ASSR, edited by G.H. Beriketov]. Moscow: Nauka, 1967, 439 p. (in Russian).
12. Khorol'skaya M.V. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* [Locus: people, society, cultures, meanings]. Moscow, 2018, no. 2, pp. 45–55 (in Russian).
13. *Liki vojny: Sbornik dokumentov po istorii Kabardino-Balkarii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Faces of War: A collection of documents on the history of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Nal'chik: El'brus, 1996, 498 p. (in Russian).
14. Motadel' D. *Islam v politike nacistskoj Germanii 1939–1945 gg.* [Islam in the Politics of Nazi Germany 1939–1945]. Moscow: Institut ekonomicheskoy politiki imeni E.T. Gajdara, 2020, 416 p. (in Russian).
15. Muzhekhoeva M.B. *Obrazovanie i pravo* [Education and law]. Moscow, 2020, no. 11, pp. 293–295 (in Russian).
16. Napsa N.T. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adygea State University]. Majkop, 2006, no. 4, pp. 20–24 (in Russian).
17. Nekrich A.M. *Nakazannye narody* [Punished peoples]. N'yu-York: Hronika, 1978, 173 p. (in Russian).
18. *Nyurnbergskij process nad glavnymi nemeckimi voennymi prestupnikami: Sbornik materialov pod obshch. red. R.A. Rudenko* [The Nuremberg trial of the main German war criminals: A collection of materials under the general editorship of R.A. Rudenko]. Moscow: YUridicheskaya literature, 1966, 800 p. (in Russian).
19. Pis'mennaya T.G., Ryabkov A.N., Manuzin E.V., SHymbalyuk A.V. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought]. Krasnodar, 2015, no. 8, pp. 56–62 (in Russian).
20. *Postanovlenie SNK SSSR «O poryadke otkrytiya cerkvej»*. Moskva, Krem', 28 noyabrya 1943 g. [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR "On the procedure for opening churches". Moscow, Kremlin, November 28, 1943]. Available at: <http://docs.historyrussia.org...snk-sssr-o...otkrytiya...1943...> (accessed on April 15, 2023) (in Russian).
21. Prasolov D.N. *Istoriya stalinizma: Zhizn' v terrore. Social'nye aspekty repressij* [The History of Stalinism: Life in Terror. Social aspects of repression]. Moscow, 2013, pp. 354–363 (in Russian).
22. *Stavropol' e v period nemecko-fashistskoj okkupacii (avgust 1942 – yanvar' 1943 gg.): Dokumenty i materialy* [Stavropol' region during the Nazi occupation (August 1942 – January 1943): Documents and materials]. Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 2000, 173 p. (in Russian).
23. Tatarov A.A. *Politematicheskij setevoy elektronnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic online electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University]. Krasnodar, 2015, no. 110 (06) (in Russian).
24. Tatarov A.A. *Trudy molodyh uchenyh Vladikavkazskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Works of young scientists of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Vladikavkaz, 2013, no. 3, pp. 97–106 (in Russian).

25. *Upravlenie centra dokumentacii novejshej istorii Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliky* [Office of the Center for Documentation of Modern History of the KBR Archive Service]. Fund 1. Inventory 1. File 1381. Fol. 169 (in Russian).
26. *Upravlenie central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliky* [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund R-290. Inventory 1. File 12. Fol. 11 (in Russian).
27. *Upravlenie central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliky* [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund R-290. Inventory 1. File 12. Fol. 22 (in Russian).
28. *Upravlenie central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliky* [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund R-717. Inventory 1. File 177. Fol. 8 (in Russian).
29. *Upravlenie central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliky* [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund R-780. Inventory 1. File 54. Fol. 73–74 (in Russian).
30. *Upravlenie central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliky* [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund R-780. Inventory 1. File 110. Fol. 148 (in Russian).
31. Zhuravlev E.I. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University]. St. Petersburg, 2009, no. 1, pp. 135–141 (in Russian).

Submitted for publication: May 18, 2023.

Accepted for publication: June 17, 2023.

Published: March 28, 2024.